

Звёзды для Терды

Саша Ильин

Саша Ильин

Звёзды для Терды

Повесть со стихами

Издательские решения
2020

УДК 82-3
ББК 84-4
И46

И46 **Ильин Саша**
Звезды для Герды. – [б.м.]: Издательские решения,
2020. – 48 с.
ISBN 978-5-0051-9910-2

Если ты с рождения не можешь ходить и говорить, как все, судьба кажется неласковой. Но если при этом еще и теряешь самого родного человека: маму, и слишком рано остаешься сиротой, то можно и вовсе отчаяться. Именно в такой сложный момент в жизни Сергея начинают происходить странные события и неожиданно появляется девочка, помогающая ему пережить боль потери, исцеляющая раненное сердце.

УДК 82-3
ББК 84-4

12+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

© Саша Ильин, 2020

Глава 1

В лунном свете

Небо было подёрнуто тонкой облачной пеленой, как это часто и бывает тёплыми сентябрьскими ночами. Но звёзды всё равно хорошо просматривались, даже без очков. Прищурившись, я вглядывался в знакомые с детства звёздные контуры, вспоминая их названия и связанные с ними легенды. Облачная пелена меня слегка расстраивала. Но радовал Юпитер, яркой искрящейся капелькой блиставший на Юге. И Луна, нависшая над землёй большой круглой лампой, как всегда, притягивала взор своей тревожной таинственностью. «Большая небесная лампочка...» — вспомнил я стихи Насти. И подумал, что всё не так уж плохо: хотя бы на Луну посмотрим, и на Юпитер. Несмотря на пелену, ночное небо всё равно было прекрасным, и также манило, и тревожило необъяснимой таинственностью, как когда-то в детстве...

Сколько мне тогда было лет? Семь? Да, точно: семь. Я до сих пор помню тот вечер, когда мы с Димкой (даже его имя помню!), тайком сбежав из скучной больничной палаты, с размаху влетели в большой сугроб на заднем дворе

поликлиники. Мы часто с ним убегали с тихого часа и катались по длинным техническим коридорам, где в это время обычно никого не было. Но в тот раз нас понесло ещё дальше — на волю, за ненавистные белые стены, пропахшие лекарствами, тоской, болью. А за стенами была удивительно красивая, пушистая зима. Белая-белая, но без лекарств, без тоски. Чистая, свежая. С чёрным бездонным небом, искрящимся множеством крохотных огоньков. Димка сразу задрал голову: «Смотри, Большая медведица!» Я ошарашенно уставился на небо, пытаюсь сообразить, как там могла оказаться какая-то медведица. Но Димка, кажется, сразу понял меня и рассмеялся: «Это же созвездие такое! Вон, видишь: семь ярких звёзд, похожих на ковш». Он был чуть старше, на год или два. И ходил, бегал даже. А я, после операций, с неуклюжими гипсами на соломенных ногах, — с трудом пересаживался на коляску. Почему он возился со мной? Катал по коридорам, увозя от скуки бесконечных «тихих часов»? Рассказывал обо всём? Не знаю. Я тогда и не думал об этом. Особенно в тот миг. Задрал голову и разинув рот, я впервые смотрел на звёзды — замороженно. Впервые видел в них какую-то сказку, загадку. И уже не было ни больницы, ни коляски, ни гипсов. Была лишь бездонная звёздная бездна, и ощущение полёта — навстречу тайне...

Да, мне тогда было семь. И звёзд было семь — в ковше «Большой медведицы». И той, которой мне сейчас так хотелось подарить всю эту звёздную сказку — тоже семь.

— Дядя Серёжа, а он вовсе не такой тяжёлый, каким казался! — прервал мои раздумья звонкий детский голос. Я невольно улыбнулся: телескоп на длинном треножнике оказался выше Ники. Но она ловко перенесла его через порог и вынесла на балкон.

— Ставь сюда, Ника, посередине. Сейчас мы его будем нацеливать...

— На звёзды! — подпрыгнула от радости Ника, и мне показалось, что её звонкий голосок разнёсся по всем этажам дома.

— На звёзды — тоже. Но сначала мы попробуем поймать Луну.

— Поймать? Разве она куда-то убегает? — глаза у Ники так смешно и удивлённо округлились, что я опять невольно улыбнулся.

— Ещё как убегает! Но от нас она всё равно не убежит, я ведь её уже не раз ловил.

Эх, только вот когда это было в последний раз? В прошлом году? Когда ещё была мама...

В детстве это была моя заветная мечта: взглянуть на звёзды в телескоп. Хоть разочек, хоть краешком глаза! Но осуществиться она могла в те годы лишь во сне. Мне часто снились звёзды в окуляре огромного телескопа. Удивительно яркие. Незнакомые. Нездешние... А в реальности — мы с мамой два года копили средства из её скудной зарплаты и моей ещё более смешной пенсии, чтобы купить бинокль. Большой, тяжёлый, 20-кратный. Когда я его впервые увидел и узнал, что такое чудо можно купить за 80 р., то весь извёлся: «Мам, если у меня не будет такого бинокля, я не смогу жить!» И через два года томительного ожидания я впервые с замиранием взглянул на звёзды через оптический прибор... С тех пор быстротечные ночи летних каникул я до самого рассвета проводил на балконе. Бинокль был тяжёлым, я с трудом удерживал его в руках, звёзды в окуляре дрожали и прыгали, а я чуть ли не плакал от досады. Но вскоре я научился смотреть лёжа на спине: если положить бинокль на глаза, то его не нужно было удерживать, и звёзды уже не прыгали, их можно было разглядеть! И я с жадностью вглядывался в далёкие неведомые миры, покуда небо не начинало бледнеть от приближающегося рассвета. Под утро глазницы, натёртые оправой окуляров, начинали болеть, я ходил с синяками вокруг глаз. Но как только наступала ночь, и загорались звёзды, я вновь устремлял взоры к далёким небесным светилам... Думал ли я тогда, что спустя лишь немногим более 10 лет у меня

появится настоящий телескоп? И что так изменится моя жизнь? И что так скоро останусь без мамы... Но об этом лучше не думать.

Стараясь отогнать грустные мысли, я раздвинул балконную раму, «зарядил» телескоп 20-миллиметровым окуляром, дававшим меньшее увеличение, и принялся наводить трубу на бледно-жёлтый диск Луны. Пальцы почему-то не слушались — почти как в первый раз. Тогда у меня ещё не было опыта обращения с таким прибором, я спешил и волновался: вот-вот осуществится моя детская мечта! А сейчас...

Сейчас рядом прыгала от нетерпения маленькая Ника. Как всегда, она не могла сидеть на месте. Даже когда смотрела свои любимые мультики. И я не переставал удивляться, сколько же энергии и неутомимости в этом маленьком человечке.

— Дядя Серёжа, смотрите: я свечу фонариком прямо на Луну! Интересно, лунные человечки видят мой фонарик? А в телескоп — видно лунных человечков?.. Дядя Серёжа, давайте я вам помогу! Что надо крутить? Ну, дядя Серёжа, давайте вместе!

Вместе с Никой мы быстро поймали яркий лунный диск, и я закрепил регулировочные винты.

— Ух ты!.. — не могла оторваться от окуляра Ника. — Я и не думала, что Луна — такая! Она же вся... будто в крапинках! Что это за крапинки?

— Сейчас я поставлю другой окуляр, Луна станет в два раза больше, и мы рассмотрим их получше.

— Мама, мама, мы Луну поймали! Иди скорее сюда! Сейчас дядя Серёжа сделает Луну ещё в два раза больше! — звонкий голос Ники нёсся с балкона, казалось, в самые небеса. Но Вера в этот момент смотрела телевизор, где шла заинтересовавшая её передача.

— Мама тоже посмотрит на Луну, но чуть попозже. А пока давай-ка мы поменяем окуляр. Вот так...

Ника снова прильнула к телескопу. Замерла...

— Дядя Серёжа, это же какие-то вмятинки. Вся Луна — во вмятинках! Будто в неё кидали камушками... Щербатая Луна, ну надо же!

Я даже не удивился. Уже начал привыкать. Хотя поначалу поражался: откуда она такие слова знает, в её-то 7 лет! Порой такое скажет — просто не знаешь, что и думать; далеко не всякий взрослый догадается так сказать. Что-то в ней было не свойственное её возрасту. И в то же время — совсем ребёнок.

— Так и есть, Ника: это вмятины от небесных камней, которые падали на Луну. И называются эти вмятины «кратеры».

— Небесные камни? Они что, с неба падают?

— Да, с неба. Из небесного, космического пространства. Там же много всяких камней и даже глыб, от крохотных до огромных.

— А почему они тогда на Землю не падают? На Земле же нет этих... катеров.

— Кр-р-ратеров, Ника, — постарался выговорить я свою нелюбимую букву. — На Земле тоже есть кратеры. Просто они почти все заросли. Ведь Земля — живая, на ней всё быстро растает. А Луна — мёртвая планета, и на ней почти ничего не меняется.

— Луна — мёртвая? — Ника прямо испугалась. — Значит, на ней нет никаких человечков?

— Увы, нет. Во всяком случае, их никто не видел.

Ника снова прильнула к окуляру телескопа, и долго разглядывала что-то. Я догадался: человечков ищет.

— Правда, не видно, — грустно вздохнула она наконец. — А может, просто спрятались где-нибудь?

— Может. Стесняются, не хотят, чтобы их разглядывали, — пошутил я. Ника тоже улыбнулась.

— Ладно, я не буду их разглядывать, я только Луну... Дядя Серёжа, а вон те тёмные места: это что? А вон там, по краям, какие-то зубчики.

— Зубчики — это лунные горы. А тёмные места — лунные моря.

— На Луне есть моря?

— Ну, это не совсем моря, Ника, там нет воды. Они просто так называются: морями, потому что похожи на высохшие моря.

— А вон там такой большой кратер! И пониже — ещё. Ух ты, какой большой камень, наверное, туда бухнулся!.. Дядя Серёжа, так значит, эти небесные камни и на Землю падают? А почему же мы их не видим?

— Видим, Ника. И ты тоже, наверное, видела.

— Как это?

— Ты же видела, как падают звёзды?

— Да! Так быстро: вжик! Даже желание не успеешь загадать.

— Вот это и есть небесные камешки: метеоры. Они летят так стремительно, что быстро сгорают прямо в воздухе, не успевая долететь до земли. Долетают редко-редко, таких даже трудно найти... Представляешь: получается, Земля нас защищает! А на Луне нет воздуха, который защитил бы её.

— А как же звёзды? Разве они не падают?

— Они никак не могут упасть, Ника. Потому что они очень-очень далеко. Дальше Солнца и всех планет, которые вращаются вокруг Солнца. И они очень большие, в тысячи раз больше любой планеты. И очень ярко горят, пылают, освещая весь мир! Солнце — тоже звезда. Самая близкая к нам.

Я ожидал очередной порции удивления. Но Ника почему-то притихла. Смотрела куда-то вдаль, в темноту. И вдруг вздохнула:

— Жалко. Что звёзды не падают.

— Почему жалко?

— Ну... значит, желания зря загадывают.

Вот оно что...

— Может, и не зря, Никуля, — чуть помолчав, сказал я. — Я вот загадывал, и у меня сбылось. Надо только загадывать самое-самое заветное желание. И не один раз.

— А сколько? — в её голосе мне послышались слезинки.

— Не знаю. Может, до тех пор, пока не сбудется.

Ника не ответила. Только посмотрела на небо. Словно надеясь увидеть падающую звезду. И мне почему-то тоже стало жалко, что звёзды не падают...

Какое же заветное желание она просит у звёзд? — думал я. Но никак не мог спросить. Только почему-то вспомнил рассказ Веры, как недавно перед днём рождения Ники она спросила, что ей подарить, какую игрушку или куклу. А Ника, до этого просившая Барби, вдруг ответила: «Подари мне... папу».

Ника никогда не видела своего папу. Он ушёл от них ещё до её рождения.

А я... Я хорошо помню папу. Но эти воспоминания — настолько горькие, что иногда думается: лучше бы не помнил. Лучше вообще без папы, чем — с таким...

Но воспоминания всё равно не вытравишь из памяти. И сейчас я уже понимаю: они мне нужны. Пусть даже такие, горькие. Пусть даже такой — папа. Но и он меня чему-то научил, был мне дорог — в те немногие моменты, когда был трезвый. Я помню, как он гулял со мной, как катал на велосипеде, на санках. На плечах. И как это было здорово! И как я боялся, что он снова придёт — другим. И тогда опять: горький дым папирос, противный запах водки. Злые, холодные, бездушные глаза. Ссоры, скандалы. Война!

Мы с мамой жили в постоянном страхе этой войны. Самой мерзкой из всех войн на земле. Потому что это — война между самыми близкими людьми на земле. И никто от неё не защитит, никто не спасёт... Меня сжимало и скручивало — от страха, боли, беспомощности. Словно мышонок, я забивался под кровать, затыкал уши, не в силах видеть и слышать происходящее. И лишь одно меня спасало, лишь одна мысль. Я непременно вырасту, стану большим, сильным, справедливым — и тогда непременно отомщу за маму! За каждое слово, за каждую боль, причинённую ей. Я никогда не буду пить, курить,

обижать слабых, буду защищать и любить. Буду как мама! Это была моя клятва. Которую я повторял раз за разом, дрожа от боли, страха, бессилия.

Я не плакал. Даже тогда, в минуты страха и отчаянья. И потом, в больницах, когда оставался один. А мама — она всё терпела. И находила силы заботиться обо мне.

Теперь, оглядываясь назад, я часто думаю об этом: мама, родная моя, сколько же тебе пришлось вынести в этой жизни! Ну почему так бывает, что самое трудное выпадает на долю самых добрых, удивительных людей?.. Она была красивая. Разглядывая старые фотографии, я не раз ловил себя на мысли: неужели это — моя мама? Сколько у неё было кавалеров! Сколько писем, фотографий ей присылали! А она: со всеми мила, со всеми равнодушна. Не по гордости, не по холодности. Просто — сердце не отзывалось. Она словно боялась. Словно предчувствовала нелёгкую долю.

Так и вышло: несчастливый брак, нелюбимый муж, больной ребёнок...

У неё не было счастья в жизни. Вся её жизнь была — сплошные тяготы и заботы, всю жизнь она за кем-то ухаживала. В детстве, в нелёгкие послевоенные годы — за младшими сёстрами и братьями в большой, многодетной семье, где она была старшей. Потом — за ребёнком, который родился больным, парализованным. Потом — за престарелыми и также уже больными родителями... Несмотря на все тяготы, она сохранила удивительное обаяние и могла бы ещё выйти замуж. Но после папы она уже не хотела смотреть на других. Намаившись семь лет, она всё же рассталась с ним. И с этого момента все свои силы отдавала мне. Она надеялась поставить меня на ноги и делала всё возможное для этого. Дороги, чужие города, больницы, доктора. Снова дороги, снова больницы...

В те детские годы они стали для меня почти вторым домом, эти больницы. Но домом — чужим, ненавистным. Потому что я всегда оставался в них один — без друзей, без мамы. Лишь потом, в поликлинике профессора Крылова,

где мне делали операции и целый год «ставили на ноги», у меня появились друзья, и мама была со мной. В самые трудные послеоперационные дни она была неотступно со мной. Но тогда она уже была свободна — от папы. А раньше... Сейчас мне кажется, что в те детские годы, когда ещё был папа, меня клали в больницы не столько ради лечения, — никаких результатов уколы и таблетки, разумеется, не приносили, — а большей частью для того, чтобы хотя бы частично отгородить от семейных драм. Но я не знаю, где мне было больше: дома, когда приходил нетрезвый папа, или в больнице, где я оставался один, абсолютно беспомощный...

Я не плакал, когда уходила мама. Все дети плакали. Я — привык. Привык оставаться один: и дома, когда мама уходила на весь день на работу, и в больнице, когда мама уходила на целые недели. Но к одиночеству и беспомощности, к равнодушию окружающих всё равно привыкнуть было невозможно. Белые стены, белый потолок — это была как тюрьма. Из которой я не мог выйти. Потому что не мог ходить... Возможно, я сам виноват, что был слишком робким и стеснительным. Но я до сих пор помню, как часто не мог заснуть ночами, мучаясь детскими страхами или жаждой, и не решаясь позвать кого-нибудь, попросить принести попить. Из приоткрытой двери в спящую палату лился слабый свет, и я лежал, всматриваясь в него, вслушиваясь в звуки в коридоре и надеясь, что, может быть, кто-нибудь подойдёт, откроет дверь и спросит, почему я не сплю? Но никто не приходил, никто не спрашивал.

Бездушные и безучастность наполняли эти белые стены, в которых монотонно проходили похожие друг на друга дни. Меня кормили, наспех пихая в рот кашу или суп, которыми я то и дело давился. Потом я давился горькими, противными таблетками. Сжимался и вздрагивал от болезненных уколов. И целыми днями лежал на кровати, глядя в потолок. Со мной никто не играл, не общался. Дети предпочитали бегать по коридорам и играть в игровых комнатах, полных игрушек. А я всегда оставался в палате. Даже

когда проводили дезинфекцию, включая ультрафиолетовую лампу, убивающую микробов. В палате нельзя было находиться, когда включали эту лампу-убийцу. Но меня оставляли, накрыв с головой одеялом и строго веля не высовываться. Неужели они правда думали, что все 10 минут я буду смиренно лежать под душным одеялом? Я не прятался. И даже не боялся. Не мигая, я смотрел, словно загнипнотизированный, на бледно-голубоватый свет, и мне было всё равно, убьёт он меня или нет. Потому что никакой радости у меня в жизни не было. Особенно — в этих больницах.

Правда, именно больница однажды подарила мне необыкновенные, удивительные минуты, которые я не мог забыть много лет. Вернее, не больница, нет. А девочка, которая была там... Когда меня положили в очередной раз, в палате была только одна она. Похожая на Мальвину из «Приключения Буратино» — почему-то мне так показалось. Хотя, та Мальвина была с голубыми волосами и холодным сердцем. А эта...

– Мальчик, как тебя зовут?

Я вздрогнул от неожиданности. Сухо ответил, думая, что на этом она отстанет. Но она — нет, не отстала. Напротив! Подошла и села прямо на мою кровать. Снова спрашивала о чём-то, рассказывала. И всё смотрела, прямо в глаза. Не с жалостью смотрела, нет. А с каким-то — участием. И вдруг... она улыбнулась и дотронулась до меня, погладила. И со мною что-то случилось: мне показалось, что я сейчас задохнусь. Или заплачу. Непонятно отчего...

Наше знакомство длилось совсем недолго: в тот же день её выписали и увезли домой. А я — очень долго не мог забыть эту девочку. Её улыбку. Прикосновение. И не мог понять, что со мной происходит, что за странное, сладко-щемящее обжигающее чувство так ощутимо и больно разрастается в груди при этих воспоминаниях... Сколько мне тогда было? Лет шесть. А ей — чуть больше. Семь?

Опять эта цифра 7! Как странно. Но похоже, история повторяется: спустя много лет другая семилетняя девочка

снова улыбнётся мне и также — дотронется, погладит. Потянется всем своим маленьким сердцем. И снова со мной что-то случится...

– Дядя Серёжа, смотрите, а Луна — убежала! Но мы же не двигали телескоп!

Я взглянул в окуляр. Ярко-жёлтый, усеянный кратерами и тёмными пятнами шарик Луны, совсем недавно сиявший прямо посередине, теперь ушёл за край и угадывался лишь по свечению.

– Да, мы не двигали телескоп, Ника. Но он всё равно движется. Вместе с нами. Вместе с домом, городом и всей Землёй. Потому что Земля не стоит на месте, она вращается.

– И мы тоже вращаемся?

– Да, как на огромной карусели.

– А совсем незаметно!

– Потому что Земля вращается не спеша, один оборот за целые сутки. И по мере её вращения потихоньку поворачивается весь свод неба, встаёт и заходит Солнце, Луна, звёзды. А ещё Земля вращается вокруг Солнца, обходя его в течение года. Из-за этого меняются времена года: вслед за зимой приходит весна, сменяющаяся летом, затем — осень, и снова зима. И так — год от года, круг за кругом. И другие большие планеты также вращаются вокруг Солнца.

– Марс, Венера, Сатурн, Юпитер, да? Я читала в детском журнале «Умняша»!

– А ещё Меркурий, он самый близкий к Солнцу и поэтому самый быстрый. Уран, Нептун и Плутон — они самые далёкие. Всего девять больших планет вращаются вокруг Солнца, вместе с нашей Матушкой-Землёй.

– А какая из них самая большая? Сатурн?

– Сатурн — огромная планета, гигант, но всё же меньше Юпитера. Самый большой — Юпитер: он в 11 раз больше Земли! Кстати, вон он: видишь, над домом блестит, самый яркий среди звёзд.

– И это Юпитер, самый большой? Он же совсем крохотный!

— Потому что он далеко, намного дальше Луны, и даже дальше Солнца...

— Дядя Серёжа, а давайте полетим на Юпитер? — неожиданно предложила Ника. Словно хотела убедиться, в самом ли деле он такой большой. Я растерянно улыбнулся.

— Как же мы полетим, Ника? У нас ведь нет космического корабля.

— А мы представим, что есть. Это же очень просто! Смотрите!

Ника вскочила на кровать, на которой мы сидели, встала, вытянув руки по швам, словно ракета, готовая к запуску. Начала звонкий отсчёт:

— Три, два, один. Пуск!

И сделала резкое движение вперёд к раскрытым створкам балконной рамы, словно и правда хотела улететь. Я машинально подхватил её, обхватив руками. Она обернулась, взглянула прямо в глаза.

— Дядя Серёжа, вы что, испугались, что я правда улечу? Не бойтесь, я никуда не полечу... без вас.

И вдруг — обняла, обвила тоненькими ручонками, прижалась. Совсем как тогда, в первый раз. И также, как тогда, я осторожно обнял её...

Глава 2

Штрихи неласковой судьбы

Господи, что же делает со мной этот ребёнок! Чем она так тронула моё сердце? Зачем, зачем всё это: эта неожиданная привязанность, эти новые для меня чувства? Я не хотел этого. Старался не замечать, как она радуется мне при каждой встрече, как тянется ко мне. Старался не обращать внимания на собственные чувства: как мне хочется погладить её, обнять, играть с ней, заботиться, дарить всё самое лучшее. Зачем? Я понимал, что она ищет папу, а я — ну, какой из меня папа, я сам-то еле хожу! К тому же у меня есть Алёнка. Пусть она раз за разом уезжает на долгие месяцы домой, во Владимир, а приезжает лишь на короткие недели. Но она мне всё равно дорога, я всё равно жду её и на что-то надеюсь. А тут — Ника!

Нет, я не готов был к такому повороту. И защищался, как мог. Старался не играть и даже не разговаривать с Никой, даже не смотреть на неё, быть сухим, равнодушным, холодным. И тем не менее, я не смог оттолкнуть её, не смог обмануть — ни её, ни себя... Почему она так потянулась ко мне, что нашла во мне? Не знаю. Но её детская искренность, непосредственность, её радость, с которой она каждый раз встречала меня («Дядя Серёжа! Дядя Серёжа!» — этот звонкий голосок мне уже начал сниться по ночам), за считанные недели разрушили всю мою защиту. Я не устоял, оказался беззащитным перед искренностью ребёнка.

Когда это случилось, как? Может, в тот миг, когда она впервые обняла меня и призналась, что скучает?..

В тот день они ненадолго зашли ко мне с Верой. И вскоре собирались уже уходить. Но Ника словно не слышала маминых слов: «Дочка, идём, нам пора», уткнулась в компьютер. А когда Вера пошла одеваться, и мы с Никой остались в комнате одни (позже я понял, что она как раз этого ждала), она подошла ко мне — непривычно тихая, робкая какая-то. Стоит, опустив голову, тербит пуговичку. Я даже испугался.

— Ника, ты что? Хочешь мне сказать что-то?

— Да.

— Я слушаю. Что ты хочешь сказать?

Немного помолчав, она, не поднимая головы и также тербя пуговичку, тихо произнесла:

— Дядя Серёжа, если мы уедем обратно в Хабаровск, я буду... очень-очень скучать по вам.

И тут же, не дав мне опомниться, осмыслить услышанное, она порывисто — словно прорываясь сквозь какую-то невидимую преграду, приблизилась вплотную, обвила меня ручонками, прижалась.

Я растерялся. Оторопел. Задохнулся! Хотел что-то ответить, но не смог — язык отказался меня слушаться. И тогда я просто обнял её — робко, осторожно. И вдруг почувствовал, как по щеке скатилась непрошенная слеза...

А может, всё случилось ещё раньше, когда я впервые посадил её на колени? В тесном микроавтобусе, возвращаясь из МЦИ...

В нашем Молодёжном центре инвалидов уже знали, что из далёкого дальневосточного города ко мне приехала одноклассница с дочкой. Именно в Центре им помогли потом подыскать небольшую квартирку, которую сняла Вера. А я предложил ей вступить в организацию — всё-таки хоть какая-то поддержка ей будет на новом месте. И на ближайшем собрании мы поехали вместе в МЦИ: знакомиться.

В Центре Нику заметили. Удивлялись, оглядывались: чья это девочка, что за прелесть? Она и правда была прелесть. В который раз, наблюдая за ней, я удивлялся: сколько же в ней непосредственности, искренности! Где бы она ни появилась, тут же находит себе друзей, даже в самом незнакомом, непривычном окружении. Сразу становится как маленькое солнышко: центром лучистой радости, смеха, игр. Вот и здесь — её ничуть не смутили костыли и коляски. Смотрю — уже и с одним познакомилась, и с другим. Подойдёт к Даше — и так просто: «А хотите, я вас покатаю?» И вот она уже катает обрадованную Дашу, щебечет с ней о чём-то. Свозила в коридор, на улицу. И назад — ко мне: «Дядя Серёжа!» Сядет рядышком, прильнёт к боку. Но долго она сидеть не может — «моторчик»! Вновь побежит куда-то, покатает кого-то. Не успею оглянуться — и вот уже снова она рядышком, снова прижимается. Люди оглаждаются, смотрят, улыбаются. Чувствую себя почему-то ужасно неловко. И в то же время — каждый раз замирает сердце, когда это маленькое солнышко возвращается ко мне, доверчиво прижимаясь.

— Дядя Серёжа...

— Что, Ника?

— А вы ведь вовсе не такой серьёзный, каким хотите казаться. Вы умный, добрый и... такой хороший!

Вот так неожиданно она может огоршить!

— Откуда же ты всё знаешь, Ника? — улыбнулся я. И вновь почувствовал, как сильно мне хочется погладить её,

посадить на колени, обнять. Но я бы не решился на это, наверное, даже наедине. Может, поэтому сама реальность — подтолкнула, помогла?

На обратном пути микроавтобус, на котором нас возили, оказался полон. И мне предложили посадить Нику себе на колени. Я даже не успел понять, почему именно мне? Но возразить — тоже не успел. Или не смог. И вот Ника у меня на коленях. Автобус тронулся, и мне пришлось обнять её, чтобы не упала. А она — словно лишь этого и ждала всю жизнь! Так трогательно прильнула... Сижку, боясь шелохнуться. В автобусе — девушки, новенькие. Смотрят на меня и так странно улыбаются, что мне хочется провалиться сквозь землю! И в тоже время — хочется, чтобы этот миг никогда не кончался... Так и просидел всю дорогу, обмирая: от неловкости, смущения, от нахлынувшей волны ласковости и нежности к маленькому человечку, сидящему у меня на коленях, трогательно прильнув к груди. А после долго не мог заснуть в ту ночь, вновь и вновь вспоминая, и переживая эти мгновения...

Вспоминались мне тогда и другие, более грустные и тревожные мгновения. Но даже их Ника умела оборачивать в радость.

В тот вечер Вера позвонила мне:

— Серёж, можно мы к тебе приедем?

Я не стал спрашивать, но по голосу и позднему времени понял: что-то случилось. И не ошибся. Оказалось, что Веру попросили освободить комнату, которую она с трудом сняла всего лишь неделю назад. Грубо выпроводили больную одинокую женщину с ребёнком, даже не вернув деньги, заплаченные на месяц вперёд! Вера оказалась на улице, одна, с ребёнком, в чужом городе. Ну, куда ей было податься?

— Ничего, не переживай, придумаем что-нибудь, — пытался я успокоить Веру, прокручивая в голове различные варианты: объявления в Интернете, знакомые, МЦИ... Но Вера переживала, была крайне расстроена. И то ли от этого,

то ли ещё по какой-то причине, у неё вдруг резко подскочила температура.

И вот, за окнами — уже ночь, дома — никого, сестрёнка ещё днём уехала в деревню. А у меня — семилетний ребёнок и растерянная, смущённая Вера, температура у которой стремительно поднималась. 38. 39. 39,5! Надо что-то делать!

Я решил вызвать скорую.

Всё это было до боли знакомо. Сколько бессонных, мучительных ночей ещё совсем недавно мне пришлось пережить, сколько раз вызывали неотложку в глупой, неоправданной надежде, — для мамы! И каждый раз врачи лишь разводили руками, посмотрев в медицинскую карту: «Ну, что же вы хотите от нас, с таким диагнозом...» И мы вновь оставались наедине со своей бедой и болью, без всякой надежды.

Но теперь была другая ситуация: я был один, но всё же мог что-то сделать.

Скорую ждали почти час. А дождавшись, были удивлены диагнозом: ангина! Я никогда не думал, что при ангине бывает такая высокая температура. И был расстроен: у меня в доме нужных лекарств не оказалось. Что делать? Ждать возвращения сестры? Но она приедет лишь послезавтра. Друг Андрей — тоже в деревне. Беспокоить родственников — не хочется. Остаётся лишь одно: самому сходить утром в аптеку, она недалеко. Да, я этого ни разу в жизни ещё не делал. Но ведь всё когда-нибудь приходится делать впервые. Вот только, поймут ли меня, с моей речью? Но и это можно решить, записав названия нужных лекарств на бумажку. А если со мной пойдёт ещё и Ника...

Наутро, когда я собрался в аптеку, Вера предложила то же самое: пусть со мной пойдёт Ника. Я немного замаялся. Будет ли она меня слушаться? Не убежит ли куда-нибудь? Я никогда один не ходил за покупками, а с ребёнком — тем более.

Но Ника — она так обрадовалась: «Мы пойдём с дядей Серёжей! Ура!», что все мои опасения вмиг рассеялись, и я тоже почему-то обрадовался.

Осень встречала нас тёплыми солнечными объятьями. Она уже накладывала свои отпечатки первой желтизной в листве, но солнце светило совсем по-летнему, и лёгкий ветерок приятно щекотал под футболкой, отгоняя жару. А рядом бегала и кружилась, как волчок, маленькая стремительная Ника.

— Дядя Серёжа, смотрите, муравьишки! А вы выдели красных муравьёв? Они такие кусачие! Но я их не боюсь! Дядя Серёжа...

И было в её глазах столько радости, столько доверчивости, словно рядом с ней шёл вовсе не инвалид на костылях, а большой, сильный и добрый человек, с которым можно ничего не бояться, который всегда и защитит, и приласкает. И мне самому уже начинало казаться, что мои костыли — это просто какое-то недоразумение! Что стоит лишь поддаться такой же искренней детской радости, веры в чудеса — и костыли мне будут совершенно не нужны! Я отброшу их, подхвачу Нику на руки, подниму к небу, закружу её — и весь мир зальётся её счастливым звонким смехом...

Наверное, Ника тоже мечтала об этом. В её глазах не всегда была радость. Часто в них отражалась какая-то неустроенность, беспокойность, задумчивость, несвойственная её возрасту. Словно незримая тяжесть лежала на её маленьких плечах. Или тоска. Тоска — по домашнему уюту, по семье. По папе.

Ника не только никогда не видела папу. Бабушка с дедушкой тоже рано покинули её. Та же страшная болезнь, что совсем недавно забрала мою маму, сделала и Веру сиротой.

Жизнь с ней обошлась неласково. Смерть родителей, измена и уход мужа... Как она пережила всё это? Как растила дочку? Вера рассказывала, что ей помогали только школьные подружки. Те самые наши интернатские девчонки, которые и сами-то были многого лишены: и здоровья, и зачастую — семьи. Интернат стал для многих из нас в те

школьные годы семьёй, породил нас. Но интернат не был матерью. Мог и недокормить, и недогреть.

Мы с Верой не просто учились вместе, в одном классе. Мы — жили и росли вместе, в одном доме. Детском доме. Только меня на летние каникулы всегда забирала мама, а её — нет. Не всё благополучно было у неё дома, в далёком дальневосточном городе. Лишь после выпускных экзаменов за ней впервые приехал брат, о котором мы до этого ничего не слышали. И увёз Веру домой. Но радости и благополучия от этого в её жизни не прибавилось.

И в жизни маленькой Ники радости тоже было мало. С ранних лет её коснулись и нужда, и боль, с ранних лет она была единственной опорой маме. И возможно, единственными людьми, кто порой мог приласкать её, были вовсе не родные, а выросшие детдомовские девочки, сами с детских лет лишённые и ласки, и здоровья, передвигающиеся на костылях и инвалидных колясках.

Не оттого ли в глазах Ники сквозь детскую беспечность и непосредственность то и дело прорывалось что-то недетское? Как пронзительны были порой эти глаза, как ищущи! А порой — просто грустные. А порой — полные какой-то серьёзности и участливости. Как в тот раз, когда, прочитав в нашем журнале стихотворение «Инвалиды всех стран, умирайте...», она подошла тихонько ко мне и сказала:

— Дядя Серёжа, порвите это на мелкие кусочки и не ешьте такое больше никогда.

— Ника, хорошая моя, это же не я написал. Мои стихи совсем не такие.

— Всё равно, не печатайте больше такие строчки.

И посмотрела на меня как-то странно. Погладила.

— Дядя Серёжа, мне так не хочется оставлять вас одного. Чтобы вы не грустили.

Я растерялся и не знал, что ответить...

Конечно, я грустил. Ведь прошла лишь пара месяцев, как похоронили маму. Но я старался не показывать этого. Старался улыбаться при гостях. Особенно при Нике. Пони-

мала ли она это? Или просто чувствовала каким-то своим обострённым детским восприятием? Как тогда, в храме, где она впервые оказалась, и ничего не зная об иконах, сразу же потянулась к образу целителя Пантелеймона. Стоит возле него подолгу, рассматривает заворожённо. И словно шепчет что-то... Одна из прихожанок подошла к ней, спросила:

— Ты знаешь, кто на этой иконе?

Ника отрицательно покачала головой.

— А о чём ты его просишь?

— Чтобы мама была здоровой...

Что это такое? Случайность? Совпадение? Интуиция?

Я не знаю.

Не знаю, что мне делать теперь со всем этим. Как я расскажу об этом Алёне? Как мне быть с Никой? Я чувствую, что она всё больше входит в моё сердце, я постоянно думаю о ней. Но разве я могу быть ей папой? А если мне придётся уехать к Алёне, что будет с Никой? Она ведь даже это чувствует, и уже переживает! Я до сих пор не могу отойти от позавчерашнего звонка Веры:

— Серёж, тут Ника разревелась. Никак не может успокоиться. Говорит, что тебя увезёт тётя Алёна, и мы никогда тебя больше не увидим. Представляешь...

Господи, да что же это? Что вообще происходит в моей жизни? Алёна, Вера, Ника. Мама. Всё закружилось в каком-то сумасшедшем вихре событий, всё переплелось, запуталось! словно незримая гигантская пружина судьбы, мучительно растягивавшаяся последние два года, с уходом мамы вдруг резко сорвалась, ударила с размаху по моей жизни, закрутила бешено её тайные шестерёнки — и всё начало резко ломаться, меняться, требовать новых решений!

Сломалась моя любимая электроколяска — буквально накануне того дня, в который я последний раз видел маму живой. Следом сломался мой компьютер — и это в момент, когда он мне был особенно нужен! Сестрёнка, которая последние два года была постоянно с нами, уехала в отпуск.

Алёна — даже она уехала, её отпуск был совсем недолог. Я остался без денег: в сбербанке мне отказались выдать мои же деньги с моей же сберкнижки в моём присутствии, потребовали доверенность на другое лицо...

Казалось, всё ломается, всё рушится в моей жизни. Казалось, я остался совсем один. Но опускать руки и лежать, весь день пялясь в потолок, я не имел права. Я обещал маме, что этого — не будет. Тем более, что я должен верстать журнал. Журнал, который ждут по всей стране люди, многие из которых вообще бездвигаются, многим из которых, возможно, даже хуже, чем мне. Значит, надо что-то делать! Надо решать проблемы, чинить сломавшееся, работать и жить. Учиться жить и строить свою жизнь — словно заново. Без мамы.

И я — жил. Работал. Искал решения. Я был не один, мне помогали. Друзья, родственники. Постоянно звонила и подерживала Алёна.

А через три недели мне позвонила Вера. Я знал, что она была в это время в Пензе — ещё весной, общаясь в аське, она рассказывала о своих планах поехать этим летом в наш детский дом, звала меня с собой. Мне очень хотелось побывать там, где прошли лучшие годы моего детства. Но на тот момент я, конечно же, не мог, мама была уже совсем слаба. Я лишь высказал мысль, что, может, получится как-нибудь встретиться, раз уж Вера из такой дали собирается в наши Поволжские края, это же недалеко от меня, куда ближе, чем Хабаровск. Я был бы рад встрече, ведь сколько лет не виделись, с выпускного! Но получится ли — я не знал. Боль за маму перекрывала в моём сердце все надежды, желания и радости. Будущее казалось тёмным и неопределённым...

Но вот, мамы уже нет. А Вера с дочкой могли заехать в гости. И я почему-то обрадовался этому. Почему-то ждал. Не зная, что ждёт меня! Не зная, что Вера собирается переехать из Хабаровска, где ей было сложно жить, ближе к центру, к школьным друзьям, в Пензу или сюда, в наш город — родной город её отца...

Как удивительно порой поворачивается жизнь! Из всех наших интернатских мальчишек и девчонок я меньше всего надеялся когда-нибудь встретиться с Верой, оказавшейся после школы дальше всех, почти на другом краю огромного континента. И вот, именно она приехала ко мне из такой дали в этот поворотный момент моей жизни.

И приехала не одна. С ней была маленькая Ника, с радостной и немного смущённой улыбкой:

— Дядя Серёжа, здравствуйте...

Мог ли я подумать тогда, что так привяжусь к этому ребёнку? Что вообще могу так привязаться к чужому незнакомому ребёнку? Возможно, и не смог бы, случись всё иначе, в другое время. Но всё случилось именно так, именно в это время.

Случайно ли всё это? Мне не верится в случайности. Тем более — такие! С самого приезда Веры и Ники у меня было странное и острое ощущение, что их привела ко мне... моя мама. Она всегда беспокоилась обо мне, переживала за наши отношения с Алёной. Даже будучи смертельно больной, мама не переставала думать о моём будущем, боясь, что Алёна не сможет бросить ради меня свой город, родителей, работу, подруг, не сможет переехать ко мне; ей всегда хотелось найти мне... сироту. И вот, Алёна уехала. А приехала — одноклассница из безумной дали. Брошенная, одинокая. Сирота!.. Что это? Не мамина ли забота обо мне? Может, даже уйдя из земной жизни, она не перестаёт участвовать в моей судьбе?

Мамочка, милая моя, родная... Я до сих пор не могу поверить, что её нет. Что никогда больше не увижу её. Просто не умещается это в голове. Кажется, что она всего лишь ушла куда-то, уехала. Как в детстве, когда я оставался в больницах, в интернате. Но тогда я знал, что мама — есть, она дома, и она непременно приедет. Ей можно было написать письмо, позвонить. Она всегда приезжала. Всегда приходила ко мне. Теперь же — некуда звонить, писать. Больше она не придёт. Никогда! И это — самое страшное: «никогда».

Я стараюсь не думать об этом. Стараюсь отгонять все грустные мысли и воспоминания. Но в то же время понимаю, что никогда не смогу избавиться от тоски по маме, от желания видеть и слышать её (Господи, порой так хочется хотя бы голос её услышать, хотя бы на минуточку!). Не смогу забыть всего, что было.

Я всегда знал, что это случится: однажды её не станет. Я даже знал, как именно это случится. Вернее, предчувствовал, наверное. Помню, я с раннего детства жутко боялся слова «рак», услышав где-то про такую болезнь (хоть и не понимал тогда, что это такое). Но больше всего с раннего детства я боялся, что мама вдруг утром не проснётся. Я проснусь, а она — нет. И всегда, просыпаясь раньше её, я тревожно вслушивался в её дыхание. Успокаивался, лишь убедившись: мама дышит. Пока мама дышит, пока она живёт — всё хорошо.

Но в то последнее утро я проснулся слишком поздно...

Два года, два мучительных года предшествовали этому утру. Я не знал, что это так мучительно: день ото дня видеть, как на твоих глазах угасает самый дорогой человек. И не иметь никакой возможности помочь ему! И не иметь никакой надежды!

Хотя, поначалу казалось, что надежда есть. Нам не говорили точный диагноз. Травили химией, делали операции. Сначала — одну. После неё мама вернулась — как из концлагеря! Но тогда ещё была надежда. Казалось, была. И мама боролась. Боролась с отчаяньем, с бессилием и болью. Со смертью! Боролась — ради меня... Однако через год — рецидив. Новая мучительная операция. И только тогда нам открылось, что всё — тщетно. С самого начала было тщетно. Кажется, такова современная медицинская этика: скрывать смертельную правду до последнего, оставляя пациенту надежду, а медикам — свободу для хирургических экспериментов, чтобы раз за разом полосовать живую плоть и без того исстрадавшегося человека...

В те дни я часто вспоминал поликлинику профессора Крылова (ту самую, откуда мы сбежали с Димкой), вспоминал свои операции.

Поначалу я ждал их, как нечто самое чудесное в своей жизни. Ждал, потому что они должны были помочь мне овладеть своими ногами. Ведь профессор сказал, что я буду ходить! Сначала на костылях. А потом, если очень постараюсь, возможно, даже с палочкой. И я почему-то сразу поверил этому профессору со странностью в походке и во взгляде (как потом мы узнали, у него была та же болезнь, что и у меня: ДЦП, только в лёгкой форме). Поверил и ждал операций — как чуда. Я даже не боялся их.

До того момента, когда оказался на операционном столе. Только тогда я впервые понял, как это страшно! Наверное, мне никогда больше не было так страшно, как в тот, первый раз.

В операционной было светло и холодно (на дворе — ноябрь), меня полностью раздели. Я лежал на узком белом столе, дрожа всем телом, и с ужасом смотрел, как мне привязывают к столу руки и ноги, а рядом готовят жуткие сверкающие инструменты... Дальше — всё как во сне. Мне казалось, что мои ноги сверлят, режут, разрывают! Молоденькая медсестра — совсем девчонка — стоит у изголовья и гладит меня, гладит, что-то говорит — я не слышу. Не понимаю, что происходит, где сон, а где — явь.

Позже выяснилось, что оперировали меня не под общей, а под местной анестезией, иначе было сложно добраться до нужных сухожилий. Говорили, что я измучился сам и измучил хирургов (когда сняли гипсы, все ноги у меня оказались в шрамах: я дёргался, даже крепко привязанный, и хирургические инструменты то и дело впивались не туда, куда нужно). Господи, а каково было моей маме, стоявшей всё время у дверей операционной и слышавшей, как я плачу и кричу! Первая седина тронула её волосы именно тогда...

Конечно, следующие операции мне уже проводили под общим наркозом, и я их не помню. Но легче от этого мне

было ненамного. После третьего дня, когда уже нельзя было дальше колоть сильнодействующие препараты, у меня каждый раз начинались сильные судороги: мышцы всего тела сводило от напряжения, операционные швы грозили в любой момент разойтись, я не мог расслабиться ни на миг, не мог заснуть. Не помогали ни димедрол, ни другие стандартные средства. И лишь мама, моя милая мама, дни и ночи проводившая у моей постели, могла справиться с этим, могла мне помочь. Своей безмерной любовью и терпеливой заботой. Своими сказками!

Не знаю, как ей это пришло в голову: рассказывать мне в такой момент сказки, и откуда она их вообще вспомнила. Но они были незнакомые, необычные, удивительные — наверное, от бабушки. От них веяло древностью и народными преданиями, доходящими порой до леденящей душу мистичности. Но как ни странно, именно эти сказки меня спасали. Я слушал их заворожённо, с замиранием — и расслаблялся, забывал о боли. Судороги уходили. И я засыпал, зачастую недослушав очередную сказку...

Если бы не мама, я бы не смог пережить те послеоперационные дни. Не смог бы встать на ноги. Не смог бы очень многого в жизни. Она всегда была рядом, в самые тяжёлые моменты.

И вот, теперь она сама оказалась в бездне тяжёлых испытаний. Сама — на страшном операционном столе. А я — не мог быть рядом, не мог ничем помочь. Ничем!.. Как это горько было осознавать, как больно. «Господи, за что Ты посылаешь ей такое? — терзался я порой горькими раздумьями. — Она и так всю жизнь лишь страдала, никакой радости не видела. И теперь — неужели таким мучительным будет конец её жизни? Какое в этом может быть благо, какая мудрость, какой смысл? Или так проявляется Твоя непостижимая любовь? Так Ты призываешь к Себе избранных?..»

Мама не роптала. Ни слова упрёка в чей-либо адрес я не услышал от неё за все два года. Как она терпела — я не знаю. Но она не принимала даже обезболивающие, до самого по-

следнего дня. Лишь жалела порой, что как-то глупо прошла жизнь. Жалела меня: «как же ты дальше будешь, один?» Никогда не забуду её слова, незадолго до последней госпитализации: «Серёженька, сыночек, родной мой, прости меня. За то, что не могу быть больше с тобой...» Ошеломлённый, я не знал, что сказать. Я уже устал — от постоянной боли в сердце, от переживаний. И сердце — оно будто начало леденеть, неметь от какой-то странной заморозки. Я жил — словно со льдинкой в сердце. И молил лишь об одном: чтобы сократились её страдания.

Незадолго до последней госпитализации приехала Алёна. И была потрясена, увидев маму в таком плачевном состоянии. Я ведь не раскрывал ей всех подробностей. Никому не хотел рассказывать... Когда маму после нового приступа в очередной раз увезла скорая, мы через несколько дней поехали с Алёной в наш Кафедральный собор. Где я, как заведённый, повторял лишь одно: «Господи, помилуй мою маму, облегчи её страдания...»

На следующий день ей резко стало хуже. Спешно выписали — к нашему изумлению (мы тогда ещё не поняли, почему). Привезли её тётушки. Я увидел — и чуть не расплакался: за неполную неделю мама чудовищно исхудала, сильнее, чем после первой операции. Вид — как из Бухенвальда. Но я понимал, что надо держать себя в руках, хотя бы при ней. Ведь мама — она тоже держалась, даже в этот день. Сама ходила, обслуживала себя, до последнего. И это нас всех обмануло! Никто не думал, что конец — так близок. Тётушки помогли ей помыться — и ушли. Вечером позвонили: нужно ли прийти ночевать? Но мама сказала, что сегодня не надо; может быть, завтра...

Завтра! Я до сих пор не знаю, верила ли она сама, что для неё ещё будет это «завтра», или наоборот — чувствовала надвигающееся и не хотела никого беспокоить, хотела остаться одна? Скорее — чувствовала. С её-то феноменальной интуицией. А вот как я ничего не чувствовал? Хотя, может, я тоже почувствовал. Я помню, как подумал (или сказал Алёне): на

её лице видна тень смерти, она близко. Но — не поверил. Не хотел верить. Лишь хотел — мучительно хотел! — поговорить с ней. Словно — в последний раз. Только она была слишком слаба. И я просто сидел рядом, держа её за руку, ни о чём не спрашивая. А на сердце — холод и пустота.

Заснуть я в ту ночь, конечно же, долго не мог. Лежал, прислушиваясь к каждому звуку в маминной комнате. Иногда вставал, спрашивал, не нужно ли чего. Принёс тёплой воды. Хотел посидеть с ней. Но мама сказала: «Серёженька, не беспокойся, у меня всё есть. Иди, поспи немного». Спокойно так сказала. И я почему-то успокоился. Лёг в своей комнате и быстро заснул.

Странно заснул, удивительно крепко. Будто отключился. Но в то же время — мне снились сны. Тоже какие-то странные, будто даже не мои вовсе. Я видел маму, лежащую посередине нашей залы на какой-то непонятной красной кушетке. Вокруг неё — много людей. И с каждым она... прощается. Только Алёна никак не может войти, стоит нерешительно у двери. А мама всё ждёт её, именно её...

Потом всё так и было, в следующие 3 дня. А в то утро мы с Алёной проснулись удивительно поздно. Время уже — почти полдень! И тишина. Неестественная тишина. Пугающая! С холодеющей душой я встал, вышел из комнаты. И сразу увидел маму, лежащую в зале. Рука её была неестественно откинута... Я всё понял, сразу.

На душе — словно всё онемело. Ни страха, ни боли, ни горечи. Я вошёл к маме. Сел подле неё на колени. Взял её за руку. Тёплая. Она была совсем как живая. Лицо — удивительно спокойное, умиротворённое, почти улыбающееся; глаза — приоткрыты... «Мамочка, родная моя, так и не поговорили мы с тобой...» — толкнулось в голове. И всё затуманилось. По лицу, словно капли благодатного дождя после долгой засухи, текли слёзы. Впервые за все эти два мучительных года, я плакал. Сидел на коленях, целовал её руку, и плакал...

Глава 3

Ладонка в руке

Тёмный покров прохладной сентябрьской ночи всё плотнее окутывал спящий город. Уличные фонари тут и там начинали гаснуть, далёкие звуки — затихать. Туманная пелена, застилавшая небо, почти рассеялась. И в густеющей чёрной вышине всё ярче разгорались звёзды, всё большим числом рассыпаясь по куполу небес. Даже самые крохотные из них начинали различаться — словно просыпаясь от сна и удивлённо моргая глазёнками. Но если поднять на них любопытное око даже небольшого телескопа, то можно было бы увидеть в этот миг ещё более многочисленные звёздные россыпи.

Только мне вовсе не хотелось больше тревожить телескоп. Я сидел, не решаясь шевельнуться, и слушал, как рядышком, под боком, тепло дышит маленькая Ника. Трогательно прижавшись — совсем как тогда, в автобусе. Непривычно притихшая.

Наверное, спать хочет, — подумал я. Утомил я ребёнка своим астрономическим ликбезом. Надо пойти, расстелить ей постель, уложить. А я, может, ещё посижу. Совсем не хочется спать.

Я уже хотел сказать об этом Нике. Но она вдруг взяла меня за руку, заглянула в глаза долгим немигающим взглядом.

— Дядя Серёжа...

— Что, Ника?

— Хорошо так сидеть, правда?

Я улыбнулся.

— Да, хорошо. Смотри, звёзды становятся всё ярче, их всё больше. В следующий раз я познакомлю тебя с созвездиями. Знаешь, есть даже такое созвездие: «Волосы Вероники»; в телескоп оно очень красивое.

— Волосы Вероники... — то ли повторила, то ли спросила Ника. — Разве такое бывает?

— Много чего удивительного бывает на свете.

— Дядя Серёжа...

— Что, Ника?

— Это мой самый лучший день... Только он скоро закончится.

И уткнувшись лицом мне в грудь, чуть слышно добавила горячим шёпотом:

— Дядя Серёжа, я хочу быть с вами. Всегда.

Ах, Ника! Маленькая моя, радость моя, солнышко... Если бы ты знала, как я хочу такую дочурку, как ты! Но Господи, как же мне быть? Ведь я не могу жить с вами, не могу бросить Алёну. Но и тебя я бросить теперь тоже не могу. А как быть с Верой? Ведь я ей тоже нужен, я вижу это. Вижу, как она смотрит на меня. И теперь догадываюсь, что осталась она в нашем городе в том числе и из-за меня... Как же быть теперь со всем этим, что делать?

А может, зря я терзаюсь всеми этими вопросами? Может, всё не так уж и сложно, а наоборот: удивительно и чудесно? Просто нужно доверять жизни, доверять тем невидимым

светлым силам, что ведут нас по ней — и жизнь сама подскажет в дальнейшем нужные решения? Может быть, важно не то, что будет, а то, что происходит сейчас? И может, не так уж важно, в какую форму выльются наши отношения, будет ли у меня семья, ребёнок. Важнее то, что мы вынесем из этих отношений, чему научимся, что переживём, прочувствуем и обретём, а затем сохраним и понесём дальше — в своей душе?

— Ника, хорошая моя. Ты теперь навсегда — в моём сердце. И жить вы теперь будете рядом. Мы будем дружить с тобой, будем часто встречаться, общаться, гулять вместе, играть. Впереди у нас ещё много-много таких же чудесных дней. Всё будет хорошо. Вот увидишь.

Она подняла глаза, и в них сверкнули слезинки.

— Правда?

Я обнял её крепче, погладил по волосам. Она вновь прижалась.

— И на звёзды мы ещё посмотрим, да? И на «Волосы Вероники»?

— Ну, конечно же. Всё ещё у нас будет, всё впереди.

— Дядя Серёжа, а где они, эти «Волосы Вероники»?

— Они уже ушли за крышу дома, их не видно сейчас. Но зато сколько других звёзд, посмотри!

— Ой, правда, так много! Сколько же их всего?

— Их бесчисленное множество, Ника. Трудно даже представить себе, сколько их. Они собираются в гигантские острова-облака: Галактики, летящие в бескрайнем океане холодного космического пространства. Каждая звезда — огромное пылающее Солнце, с целой кучей детишек-планет, больших и маленьких. А звёзд таких в каждой Галактике — бесчисленно. А Галактик так много, что не счесть! И всё это называется: Вселенная.

— Вселенная... — задумчиво повторила Ника. — Она такая большая?

— Она непостижимая. Удивительная. Прекрасная. Полная бесчисленных миров, тайн и загадок... Вот только, знаешь, мне кажется, что она — холодная.

— Почему? Во Вселенной очень холодно?

— Вдалеке от звёзд — да. Но дело не только в этом. Мне кажется, в ней нет... душевного тепла. Нет любви, радости, счастья. Это есть только в нас, в наших сердцах. Потому что мы — не звёзды, не планеты, не растения или животные. Мы — живые, разумные, чувствующие, у нас есть бессмертная душа, данная самим Богом! Мы — дети Бога, который выше всей Вселенной. И лишь наше сердце может чувствовать то, что выше и ярче всей Вселенной. Для нас Вселенная — прекрасна, но холодна.

— Как замок Снежной Королевы?

— Точно! — обрадовался я удачному сравнению Ники.

— Значит, где-то там может быть Кай? И нам нужно найти его, чтобы отогреть его сердце?

— Может быть... Когда-нибудь люди непременно полетят к звёздам. И принесут им нечто такое, чего звёзды ещё не ведают... Со временем люди многому научатся, многое достигнуто. Но сначала нам нужно научиться жить здесь, на Земле. Жить — по-человечески.

— Как это: по-человечески? Разве мы живём не так?

— Вроде так. И всё-таки... ломаем, уничтожаем, приносим горе. Обижаемся и ссоримся, обманываем и предаём. Много чего делаем такого, что не по-человечески. Ну, куда нам таким во Вселенную? Она нас испугается и не пустит к себе. Но это не потому, что люди — плохие. Просто им пока очень нелегко, им многое мешает, многое больно ранит — в самое сердце. И сердце закрывается, замерзает, становится холодным, злым... Непросто уберечь душу от зла, когда вокруг столько боли. Непросто растопить все холодные льдинки в израненном сердце. Ох как непросто! Немало нам ещё придётся испытать, чтобы научиться этому. Но люди всё равно научатся. Научатся жить без зла, даря друг другу лишь радость и счастье. На Земле не будет больше горя, она станет самой прекрасной планетой во Вселенной, колыбелью любви. А потом люди полетят к далёким звёздам... Ты бы хотела полететь к звёздам?

— Да. Они такие красивые. И их так много! Когда я вырасту, то стану астрономом и буду изучать их в телескоп, как вы.

Я улыбнулся и хотел сказать, что я вовсе не астроном. Но вместо этого почему-то произнёс:

— Эти звёзды — для тебя, моя маленькая Герда.

Она взглянула на меня снизу вверх. Серьёзно так.

— Дядя Серёжа, мне не нужны звёзды... без вас.

Что я мог ответить? Лишь снова обнял её, прижал к себе. Она доверчива прильнула. И положила в мою ладонь свою ладошку. Такую маленькую, тёплую, беззащитную. Положила — словно всю себя доверила. И я вдруг почувствовал, как горячо и щемяще-больно мне на сердце! В нём больше не было холода и пустоты. Было лишь огромное, незнакомое чувство, от которого весь мир расплывался в бесчисленных радугах. И звёзды — улыбались.

Глава 4

Стихи из заветной тетради

* * *

В моём сердце – как в доме большом и пустом,
Гулким эхом дрожат отголоски печали,
А из окон высоких небесным лучом
Робко светят нездешние, горние дали.

И мне чудится в свете том счастья звезда,
Детский радостный смех и улыбка любимой.
Но лишь только коснусь – и опять пустота,
И опять я один, грустный и нелюбимый...

* * *

О, одинокая луна!
Ты как всегда так далека,
И как всегда тебе не спится;
И сквозь седые облака
На голубые берега
Твой свет загадочный струится.

Какой же тайной неземной,
Какой неведомой судьбой
Гонима ты в своей печали,
Что только лишь ночной порой
С такой тревогой и тоской
Твой свет струится золотой
На очарованные дали?

И кто же, кто же скажет мне,
Какая сила есть в тебе,
Какая тайна в твоём свете,
Что нет покоя при луне,
И воют волки в тишине,
И поклоняются тебе
Только безумцы и поэты?..

О, одинокая луна!
Какая глупая судьба
Так породнила нас с тобою,
Что нет мне места среди дня,
И лишь одно хранит меня:
Твой свет печальный над землёю...

Маме

1

В часы мучительно тоски,
В часы душевного смятенья,
Средь безысходной пустоты
Земных метаний и волнений,

В сиянье дней, во тьме ночей,
В слепом бреду больничных коек,
Под острым скальпелем врачей,
На грани всех земных устоев

Я жил лишь мыслью о тебе,
Лишь о тебе воспоминаям.
В моей неласковой судьбе
Ты стала светлым ожиданием.

Какая б боль или тоска
Меня смертельно ни томили,
Твои бездонные глаза
Меня таинственно хранили.

Какая б бездна темноты
Вокруг меня ни бушевала,
Я вспоминал твои черты –
И всё куда-то пропадало.

Твоя безмерная любовь
И беспредельное терпенье
Меня спасали вновь и вновь,
Оберегая от падений.

Куда б ни бросила судьба –
Ты, как всегда, была со мною,

Ты тяжкий крест мой подняла
Своею слабою рукою,

И мой страдальческий венец
Ты добровольно разделила,
И если я теперь – певец,
То ты – моя немая сила.

Все мои мысли и дела
Озарены твоей любовью,
И, может быть, вся жизнь моя
Вдохновлена одной тобою.

Ведь, как и прежде, вновь и вновь
Твоё безмерное терпенье
И беспредельная любовь
Меня спасают от падений.

Ведь, как и прежде, вдалеке
От своего родного дома,
В чужом краю, в чужой толпе,
В минуты горестной истомы,

В часы мучительной тоски,
В часы душевного смятенья
Я вспомню лишь глаза твои –
И тихо плачу в утешенье...

2

Ты сама понимаешь, родная:
Наша жизнь хоть совсем непростая,
Наша доля – всё же не горе,
Ведь без соли не может быть моря.

Наша доля – два облака в небе:
Ты да я, нам некуда деться.
На двоих нам – и счастье, и беды,
На двоих – словно общее сердце...
Ты всегда будешь рядом со мною.
Кто придумал такое – не знаю.
Но и если своею душою
Я достигну когда-нибудь Рая,
Ты и там будешь вместе со мною...
Такова наша доля, родная.

* * *

Одной рукой судьба меня голубит,
Другую – бьёт наотмашь по лицу;
То приближает тех, кто меня любит,
То отнимает тех, кого люблю.

Я пригубил и счастья, и печали.
Но не испил, а лишь разбередил
Засохший ком несбыточных желаний,
Застрявший среди моих сердечных жил.

Теперь живу я, словно моё сердце
Пробили стрелы боли и любви.
А я ещё иду, стремясь навстречу
Сиянию недостигнутой звезды!

* * *

Нам всем порой приходится несладко,
Мы мечены неласковой судьбой,
И наша жизнь — как белая тетрадка,
Забытая на серой мостовой.

Растрёпанная, грязная, немая,
Затоптанная множеством сапог,
Лежит она в ничтожестве, рыдая,
На краешке непройденных дорог...

А время мчится вдаль, и не измерить
Нам чашу ожидающих невзгод.
Но надо верить, надо всё же верить!
Но надо всё же двигаться вперёд!

И может быть, не зря мы будем биться.
И может, чья-то детская рука
Однажды на изорванных страницах
Начертит неземные письма!

* * *

Годы летят, а душа не взрослеет.
Глупо мечтает, и верит наивно.
Хочет любви, а любить — не умеет.
Грезит о счастье, а в горе — бессильна.

Ах, мне не надо бы думать о счастье!
Мне бы пора становиться мудрее.
К фальши и глупости быть безучастней,
В бедах и трудностях — быть бы сильнее.

Но сердце глупое бьётся — как может.
Медленно веточка тянется к свету...
Годы летят. Но мне верится всё же,
Что не напрасно. Ждёт счастье нас где-то.

Облака

Над землёю ветер
Гонит облака,
И летят по свету
Белые стада.

И летят, и тают,
Как моя печаль,
И никто не знает,
Что зовёт их вдаль.

И никто не знает,
Что их ждут вдали
У порога рая
Вестники любви.

Осенние дни

Осеннее небо
Над тусклой землёй,
Опавшая верба
Грустит над рекой.

Закончилось лето
И тёплые дни,
Холодные ветры
Врываются в сны.

Но нету печали,
И нету тоски,
Лишь листья упали
Под ноги мои.

Лишь в синие дали
Кричат журавли
О том, что настали
Осенние дни.

Что кончилось лето
И вновь над землёй
Осеннее небо
Зовёт за собой.

Декабрь

Декабрь — пора очарованных звёзд,
Декабрь — пора белоснежных мечтаний...
О, милый, ты даришь мне столько сияний
Серебряных чувств и серебряных грёз!

Пусть кто-то считает суровым тебя,
Но ты не суровый, ты светлый и чистый;
Твой ветер морозный и холод лучистый
Рисуют цветы на стекле для меня.

Твои голубые метели в снегах
Поют по ночам мне волшебные сказки,
И снится мне детство, снежки и салазки,
И слёзы, и радость, и снег в волосах.

И снится в огнях новогодняя ёлка,
Предчувствие чуда и нежная грусть...
О, милый декабрь, ты даришь мне столько
Серебряных снов и серебряных чувств!

Девчонка

Мне вчера приснилось море,
Мне вчера приснилось лето,
Шелест ласковый прибоя
И девчонка у воды,
Босоногая девчонка
В платье солнечного цвета;
У неё смешная чёлка
И глаза — как васильки.

У неё в ладонях — море,
У неё в улыбке — лето,
А в её печальном взоре —
Неземные берега
Незнакомых очертаний;
Там она всё бродит где-то
Средь таинственных мерцаний
Недосмотренного сна...

* * *

Солнышко, играя в прятки,
Снова скроется за тучи,
А ты веришь без оглядки,
Что растает снег колючий.

Что придёт весна, и снова
Мы с тобой сыграем в жмурки,
И тебя, как лучик солнца,
Я поймаю прямо в руки!

И не спрячешь ты улыбку,
Будет взор твой чист и ясен.
Моя маленькая Вика,
Посмотри, как мир прекрасен!

В этом мире много места
Для надежд, чудес и сказок,
Он нас свёл с тобою вместе,
Чтоб умножить нашу радость.

И играя с солнцем в прятки,
Мы забудем все печали,
Будем верить без оглядки
В ослепительные дали.

* * *

С утра до вечера читаю
Журнал по имени «Судьба»,
Но до сих пор не понимаю
Страниц незримых письма.

Они таинственно и нежно
О чём-то важном говорят,
И верю, верю безнадежно,
Что я сумею их понять.

И пусть не ждёт меня удача,
Пусть нет надежд на чудеса,
Пусть жизнь — как сложная задача,
Которую решить нельзя,

Я вновь и вновь смотрю страницы
Неведомой моей судьбы...
И вижу в них родные лица,
И вижу в них глаза твои.

Содержание

Глава 1. В лунном свете.....	3
Глава 2. Штрихи неласковой судьбы.....	15
Глава 3. Ладонка в руке.....	30
Глава 4. Стихи из заветной тетради.....	35
«В моём сердце – как в доме большом и пустом...» ...	35
«О, одинокая луна...»	36
Маме	37
«Одной рукой судьба меня голубит...»	39
«Нам всем порой приходится несладко...»	40
«Годы летят, а душа не взрослеет...»	41
Облака.....	41
Осенние дни	42
Декабрь	43
Девчонка.....	44
«Солнышко, играя в прятки...».....	45
«С утра до вечера читаю...»	46

Саша Ильин
Звёзды для Герды

Печатную версию книги можно приобрести
в книжных интернет-магазинах:

Озон: <https://www.ozon.ru/context/detail/id/219103397/>

Ридеро: https://ridero.ru/books/zvezdy_dlya_gerdy/

Если ты с рождения не можешь ходить и говорить, как все, судьба кажется неласковой. Но если при этом ещё и теряешь самого родного человека: маму, и слишком рано остаёшься сиротой, то можно и вовсе отчаяться.

Именно в такой сложный момент в жизни Сергея начинают происходить странные события, и неожиданно появляется девочка, помогающая ему пережить боль потери, исцеляющая раненное сердце.